

ВЫСОКИЙ СТИЛЬ

КНИГИ
ИРИНЫ МУРАВЬЁВОЙ —
ПОДЛИННОЕ УКРАШЕНИЕ
ВАШЕЙ БИБЛИОТЕКИ,
ИЗЫСКАННАЯ ПРОЗА
ДЛЯ НАСТОЯЩИХ ГУРМАНОВ
В ЛИТЕРАТУРЕ:

- Любовь фрау Клейст
- Веселые ребята
- Портрет Алтовити
- День ангела
- Напряжение счастья
- Сусанна и старцы
- Жизнеописание грешницы Аделы
- Отражение Беатриче
- Страсти по Юрию
- Вечер в вишневом саду
- Полина Прекрасная
- Райское яблоко
- Соблазнитель

СЕМЕЙНАЯ САГА:

- Барышня
- Холод черемухи
- Мы простимся на мосту

ИРИНА
МУРАВЬЁВА

ПОЛИНА
ПРЕКРАСНАЯ

ПОВЕСТИ

ЭКМО
МОСКВА
2014

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
М 91

Художественное оформление
серии *Виталия Еклериса*

Муравьева, Ирина.

М 91 Полина Прекрасная : повести / Ирина Муравьева. — Москва : Эксмо, 2014. — 320 с. — (Высокий стиль. Проза И. Муравьевой).

ISBN 978-5-699-72924-1

Полина ничего не делала, чтобы быть красивой — великолепие было дано ей природой. Ни отрок, ни старец не могли пройти мимо прекрасной девушки. Соблазненная учителем сольфеджио, Попелька (так звали ее родители) вскоре стала Музой писателя. Потом художника. Затем талантливого скрипача. В ее движении — из рук в руки — скрывался поиск. Поиск того абсолюта, который делает любовь — взаимной, счастье — полным, красоту — вечной, сродни «Песни Песней» царя Соломона.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-72924-1

© Муравьева И., 2013

© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2014

**ПОЛИНА
ПРЕКРАСНАЯ**

Н а прошлой неделе Полине стукнуло восемнадцать. Она была пышной, взволнованной, нежной. Мужчины: то отроки, то пожилые, с глазами навывкате, лысые, толстые, с глазами, прищуренными от вожделенья, с щеками румяными, бледными, впалыми, с высокими лбами и низкими лбами, с открытыми шеями и в пиджаках — короче, любые живые мужчины Полине почти не давали проходу. Они бросались к ней со своими глупыми разговорами и рты раскрывали, как будто хотели ее проглотить. Всю сразу: с зонтом и ботинками. И не оттого, что она была как-то особенно хороша, а оттого, что никого из этих мужчин Полина не собиралась на себе женить. Она никого не ловила. Странная эта, неженская черта так сильно отличала Полину от остальных представительниц прекрасного пола, что у мужчин раздувались ноздри. Раздувши же ноздри, они становились похожи на зверя, живущего в чаще, простого и честного. Ведь зверю не нужен букет или галстук,

ему нужна просто любовь, о которой он детям своим — медвежатам и зайцам — расскажет в берлоге, когда низко, страшно гудит и рыдает метель за порогом, и если бы зверь этот — волк или заяц — не зверем бы был, а учителем пенья, то он бы сравнил голос зимней метели с каким-нибудь виолончельным концертом.

Принято думать, что мужчины хотят как можно скорее украсить свой безвольный безымянный палец обручальным кольцом. Неправда, вранье, клевета. Готовность жениться навязана мужчине женщиной, и если уж говорить откровенно, то на лице у всякой женщины такой есть почти незаметный крючочек или такая вот скромная серая петелька, которую даже в хороший бинокль не сразу увидишь. Петелька эта или, если хотите, крючочек располагается, как правило, в районе переносицы, но изредка прячется под подбородком, и человек, привлеченный к женщине глазами ее или тонкою талией, сперва замечает неброский дефект, но вскоре устает его замечать, а дальше известно, как это бывает: нарядного, словно артист эстрады, в лаковых башмаках и белом пиджаке человека, терпко пахнувшего потом от волнения, сажают в большой лимузин и катают по городу. А он обнимает невесту за талию. Потом пьют шампанское. Но говорят, что в самый последний момент, когда

уже желтые кольца надеты и все поцелуи наляпаны жирно, — тогда, говорят, прозревает жених и страшной тоскою так весь проникается, что даже и самый дешевый фотограф тоску эту передает на портрете. Стоит жених в новом и желтом кольце, хохочет, как клоун, но взгляд! Ох, и взгляд! У Гамлета был веселей перед смертью.

Полина сражала своим бескорытием. И облик ее, такой круглый и пышный, глаза ее ясные, нежные руки, которые даже зимой, сквозь одежду, и то прожигали насквозь, — все было беспечным, уютным и чистым. Красилась она только слегка, а одежду придумывала сама, украшая нехитрое какое-нибудь платьице то платочком, наброшенным на круглые плечики, то ниточкой бус, а то даже платочком и бусами и добавляла еще ко всему много разных колечек. Любила, когда все нарядно и пахнет каким-нибудь кремом. Клубничным, к примеру.

Кроме нарядной одежды, она любила всякую погоду и во всякую погоду чувствовала себя хорошо. Любила и лето, и осень, и зиму. Весну же любила особенно сильно, и, когда начинали сжигать по дворам прошлогодние листья, а от земли поднимались первые, самые сильные запахи и взволнованно, жадно и нежно, на все голоса, пели птицы, что больше не будет ни смерти, ни слез, ни страданий, Полина сама

расцветала, как роза. Подруги ее рисовали на лицах большие глаза, зачерняли носы (на кончиках, чтобы казались поменьше!), а волосы, жидкие, блеклых цветов, держали всю ночь в бигуди, так и спали, но очень страдали, и снились им часто какие-то реки, в которые эти подруги входили и их уносило холодным течением. Полина была далека от печали. Заплетала на ночь кудрявую свою косу, перевязывала ее ленточкой, мазала руки кремом «Детский» или «Юбилейный» и только касалась затылком подушки, как сразу вплывала в чудесную заводь, как утка, а может быть, лебедь невинный, и там, в этой заводи, было тепло, а если мелькали какие-то лица, то все эти лица ее веселили.

Как раз весной, перед самыми выпускными экзаменами, Олег Мухтарович Назаров, преподаватель сольфеджио, человек грузный, с серебряными висками, хотя молодой, еще до сорока, отец трех кудрявых малышей, которых жена его, тоже красивая, но слишком всегда маслянисто покрашенная, приводела зачем-то к ним в школу, — как раз весной Олег Мухтарович сообщил Полине, что ей необходимо позаниматься с ним сольфеджио дополнительно. И время назначил: 3:40, в четверг.

Полине нравился Олег Мухтарович ровно настолько, насколько ей нравились все остальные. Одно за

всю жизнь исключение было: Лариса, соседка развратная с дачи. Ларисе тогда уже было пятнадцать, когда шестиклассница, наша Полина, ее заперла прямо в дачной уборной. Есть очень старинный дачный обычай: уборные строить подальше от дома. И пусть там стоят, никому не мешают.

Лариса, развратница, и просидела в уборной четыре часа, и никто — представьте себе: ни один человек! — не слышал Ларисиных горьких рыданий. Поскольку простой, незатейливый дачник отнюдь не стремится в какую-то будку. Зачем? Когда рядом и лес, и поляны, и кущи, и рощи, короче, приюты для уединенья. Зачем ему будка? Однако под вечер обитатели дач услышали крики, сбежались, несчастную освободили, и тут появилась Полина с букетом:

— Она меня мучает. Я уже знаю, что делают мама и папа в кровати! Зачем же мне столько ненужных подробностей?

Ларису она не любила. Но прочие люди на свете ей нравились. И поэтому, заканчивая десятый класс, она несколько не подозревала Олега Мухтаровича в каких-то там мыслях. Он был педагог и учитель. Малышки, дочурки его, украшали собою весь пахнувший хлоркой, большой вестибюль. Поодаль, на стуле, сидела жена, атласные, черные хмурила брови. И вся эта гадость, какую Лариса успела поведать на

даче ей в детстве, за что и пришлось запереть безобразницу, — вся гадость касалась семьи лишь Ларисы, хотя ее толстеньких маму и папу представить себе без одежды было почти невозможно, а главное, незачем.

Теперь Полина заканчивала школу и, хотя другие девушки в ее годы знали о любви все на свете, а многие даже собирались замуж сразу же после выпускного бала, она была так же невинна, как раньше.

Между тем Олег Мухтарович потихоньку сходил с ума. Он сходил с ума, потому что думал о ней постоянно. Он представлял себе ее светлые волосы с ярким золотым отливом, ее сияющие глаза, ямочки на щеках, длинный нос, который в старости должен был изуродовать ее, а сейчас делал это лицо особенно наивным и простодушным. Настолько удачна была длина носа, что если бы общая мать всех — природа — сглупила и укоротила его, то внешность Полины бы вмиг потеряла частицу своей исключительной прелести. О теле ее Олег Мухтарович старался не думать. Как только он представлял себе, какая белизна, мягкость, медовость пряталась под неуклюжим школьным платьем, ему хотелось выть от отчаяния. Он родом был, кстати, кавказец, и прадед его долго дрался с Шамилем. А может быть, наоборот, за Шамиля, но важно не это. Безумие важно, мужское безумье. В конце концов он пригласил ее, чтобы решить все проблемы

с сольфеджио. Ибо с сольфеджио этим и были проблемы. Потом можно будет вернуться в семью, заняться, в конце концов, дочками: Майкой, Аглайкой и младшей — капризной, болезненной Софочкой.

Полина постучала в дверь и сразу же вошла, не дождавшись ответа. Она, как всегда, немного опоздала, торопилась, и потому румянец у нее на щеках был особенно розовым, а волосы на лбу влажными. Олег Мухтарович проглотил тугой ком и голосом низким и нервным сказал ей:

— Садитесь.

Полина тотчас же уселась на стуле, сияя глазами. И руки сложила. Они до отчаянья напоминали каких-то пушистых и белых птенцов.

— Могли бы прекрасною стать пианисткой. Могли бы. И этим украсить всю школу. Однако... Вы не пожелали. И вот результат...

Полина вздохнула от чистого сердца. Олег Мухтарович встал со своего кресла, близко подошел к ней и остановился.

— Не поздно еще, говорю вам: не поздно, — сказал он, и грубый отважный кавказец проснулся внутри его мощного тела. — У вас еще все впереди. Вот рояль. Садитесь к роялю.

В кабинете у Олега Мухтаровича стоял рояль.

— Спасибо. Конечно, — сказала Полина.

Теперь они оба стояли, и лица их были так недалеко друг от друга, что запах хорошего свежего кофе струился от скользких усов педагога в наивные детские ноздри Полины. Он вскрикнул гортанно, как если бы что-то застряло вдруг в горле, и сразу же сильно за талию обнял, словно игрушку. Полина отпрянула в страхе.

Даже если бы сам Шамиль или какой-то другой видный военачальник ворвался в эту минуту в кабинет Олега Мухтаровича Назарова и, наставив на него дуло пистолета, велел отпустить эту русую девушку, багровый и взмокший настолько, что майка, рубашка, трусы и носки нуждались в хорошей и долгой просушке, учитель вояке бы не подчинился. В пронзительной тьме золотилось пятно, которое было лицом ученицы, — он чувствовал, как оно только мешает ему своим этим сияньем, — а руки уже разрывали на ней черный фартук, и губы впивались в горячее тело. Оно было нежным и сладким настолько, настолько ничуть не похожим на прочие, что он все равно (не будь он отважным кавказцем, а просто хорошим, простым человеком!) не дал бы себя оторвать от этой пришедшей к нему в кабинет старшеклассницы.

— Мне больно, — стонала Полина. — Пустите!

— Женюсь! — бормотал он. — Женюсь завтра утром! Даю тебе слово!

Она задохнулась, и вдруг ее пальцы запутались

в шерсти, так, словно учитель был не человеком, а мокрой овчиной. Когда же она оказалась на липком, нагретом полу, то все сразу исчезло. Была только боль, и такой острой силы, что, кроме нее, ничего не осталось. Она укусила себя за запястье, боясь, что кричит, но она не кричала. Какое-то время прошло. Но какое? Из тела ее, как из глины, весь красный, трясущийся весь, поднимался Назаров. Лицо его было в разводах и ссадинах.

Полина осталась лежать. Он же, жалкий, упал прямо в кресло и замер в тревоге. Он видел себя в кандалах, за решеткой, сквозь прутья которой сквозили то Майка с Аглайкой и Софочкой, младшей, то Нюся, жена, то какие-то люди, которые вынесли свой приговор, и жить ему месяц осталось, не дольше.

— Вставайте, — сказал он, трясясь. — Что лежать-то?

Полина с трудом поднялась и прикрыла свою обнаженную грудь рваным фартуком. Назаров вдруг встал на колени.

— Полина! — он вскрикнул мучительно. — Ведь расстреляют! Клянусь вам Аллахом! Как только вы скажете им, что я сделал...

— Кому я скажу? — прошептала Полина.

— Кому? Я не знаю кому! Прокурору.

— Да я никому не скажу. Ни за что, — сказала она.

Он понял, что это все так вот и будет: не скажет